

Птицын Владимир Васильевич

**Древние адвокаты и наши
присяжные Цицероны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Васильевич П.**
Древние адвокаты и наши присяжные Цицероны / Птицын Владимир Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 79 с.

ISBN 978-5-519-79822-8

Государство и право. Юридические науки -- Судебные процессы -- Судебное ораторское искусство. Судебные речи, древние адвокаты

ISBN 978-5-519-79822-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДРЕВНИЕ АДВОКАТЫ

И

НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ.

I.

ДРЕВНІЕ АДВОКАТЫ.

Нѣтъ лучшей пищи для ума, какъ чтеніе древнихъ классиковъ. Стоитъ только взять въ руки одного изъ нихъ хотя на полчаса, чтобы тотчасъ же почувствовать себя осрѣженнымъ, облегченнымъ, очищеннымъ и укрѣпленнымъ.

А. Попенуэръ.

Деятнадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ времени Цицерона,—эпохи полного расцвѣта и процвѣтанія римскаго судебного краснорѣчія,—и, не смотря на то, существовавшія въ то время формы и обряды судопроизводства и самое судоустройство такъ общи съ нашими, такъ знакомы намъ: тотъ же судъ присяжныхъ засѣдателей съ обвинителемъ, защитникомъ, подѣ предсѣдательствомъ претора, имѣвшаго неменьшую руководящую власть, чѣмъ наши предсѣдатели окружныхъ судовъ, то же предварительное и судебное слѣдствіе, и самая широкая, всенародная публичность и гласность судопроизводства. Поэтому для насъ не можетъ быть чуждымъ, непонятнымъ, а скорѣе будетъ поучительнымъ знакомство съ тѣмъ, какъ готовились къ своей профессіи молодые римскіе юристы, какъ они проходили свой стажъ, при какой обстановкѣ выступали въ качествѣ защитниковъ, какъ составляли и произносили свои судебныя рѣчи.

Къ сожалѣнію, въ то время какъ для изученія собственно римскаго права существуетъ такая масса источниковъ,—для изученія римскаго судебного краснорѣчія такихъ источниковъ

очень немного. Сводятся они, главнымъ образомъ, къ сочиненіямъ Цицерона и Корнелія Тацита объ ораторахъ и ораторскомъ искусствѣ, и къ сохранившемуся до насъ рѣчамъ Цицерона; ихъ,—собственно судебныхъ его рѣчей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, не считая рѣчей противъ Катилины и другихъ, политическаго характера,—насчитывается до пятнадцати. Изъ нихъ въ полномъ составѣ сохранились далеко не всѣ. О самомъ Цицеронѣ, объ его значеніи, адвокатской и политической дѣятельности и объ его рѣчахъ существуетъ за границей цѣлая обширная литература. Лучшими сочиненіями считаются:—книжка Коллинзи „М. Т. Цицеронъ“ и этюдъ Буассье „Цицеронъ и его друзья“, переведенные на русскій языкъ. Особенно жаль, что, кромѣ рѣчей Цицерона, который изъ присущаго ему тщеславія и въ поученіе потомству самъ заботился о сохраненіи и изданіи своихъ рѣчей, изъ рѣчей другихъ адвокатовъ его времени и предшествующей ему эпохи, не дошло до насъ, если не ошибаюсь, ни одной цѣльной и полной, именно судебной защитительной рѣчи, кромѣ кое-какихъ обрывковъ изъ такихъ рѣчей.

Наоборотъ, политическихъ рѣчей римскихъ государственныхъ людей, полководцевъ, императоровъ и тѣхъ же адвокатовъ сохранилось сравнительно очень много; ими наполнены „Лѣтопись“ и „Исторія“ Тацита. Изъ нихъ ~~нихъ~~ рѣчи императора Августа особенно выдаются своимъ высокимъ, несравненнымъ краснорѣчіемъ.

Что древніе римляне не относили ораторскаго искусства къ разряду тѣхъ искусствъ, гдѣ совершенство зависитъ исключительно отъ таланта, природныхъ дарованій, а отводили едва ли не первое мѣсто для усовершенствованія въ ораторскомъ искусствѣ предварительной научной и практической подготовкѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ классическое изреченіе: *oratores fiunt, poëtae nascuntur*. О томъ какъ готовились молодые римляне къ адвокатской профессіи, что считалось необходимымъ для оратора того времени, и о личной подготовкѣ Цицерона можно узнать изъ сочиненія: „Разговоръ объ ораторахъ“ К. Тацита,—самого плохаго его произведенія и самого ранняго, когда еще авторъ былъ адвокатомъ,—и изъ лучшаго сочиненія Цицерона: „*De oratore, libri tres*“, изъ первой его книги. Оба сочиненія изложены въ любимой тогда разговорной формѣ, гдѣ авторы излагаютъ

свои воззрѣнія устами лучшихъ адвокатовъ своего времени.

Излагая причину упадка ораторскаго искусства въ его время, т. е. въ царствованіе Тита и Веспасіана, сравнительно со временемъ Цицерона и до него, Тацитъ первою и самой важною причиною этого упадка ставитъ разницу въ подготовкѣ древнихъ и современныхъ ему адвокатовъ. Древніе адвокаты, по его разсказу, получали двоякую подготовку: во-первыхъ, чисто практическую, которая состояла въ томъ, что посвятившіе себя адвокатурѣ избирали себѣ учителя, патрона, и, — какъ выражается Тацитъ, — ходили за нимъ, т. е. сопровождали его въ суды, на форумъ, въ сенатъ, на прогулку, присутствовали у него на дому при приѣмѣ имъ кліентовъ и во время его бесѣдъ съ товарищами и друзьями, и, такимъ образомъ, на живыхъ примѣрахъ, изучали право и усваивали вышшія качества, необходимыя оратору. Сверхъ того, и вмѣстѣ съ тѣмъ, древніе молодые адвокаты получали разумное, подходящее образованіе и, кромѣ права, изучали философію, музыку и всякія науки, — поэтому были гораздо развитѣе современныхъ Тациту. А современные молодые адвокаты, по словамъ Тацита, не получивъ ни широкаго образованія, ни практическихъ познаній въ правѣ, прямо поступаютъ въ школы риторовъ и изучаютъ, главнымъ образомъ, блестящія формы рѣчи, декламацію, умѣнье острить, болтать или говорить напыщенно.

Цицеронъ, устами своего руководителя, знаменитаго адвоката Лицинія Красса, ставитъ слѣдующія требованія отъ судебного защитника: помимо знанія права, адвокату необходимо, по его мнѣнію, чтеніе поэтовъ и изученіе исторіи; сверхъ того, развитіе своего голоса и языка, пріобрѣтеніе запаса словъ и оборотовъ, строгое обдумываніе рѣчи; но въ особенности, по его мнѣнію, необходимо предварительное письменное изложеніе рѣчи, чѣмъ, по его выраженію, пріобрѣтается навыкъ къ правильному расположенію словъ. Самъ Цицеронъ былъ особенно счастливъ въ своемъ воспитаніи и подготовкѣ къ адвокатскому поприщу. Происходя изъ достаточнаго, но небогатаго буржуазнаго семейства, сынъ всадника изъ г. Арпицума, рожденный за 106 л. до Р. Х., онъ былъ юношей отправленъ на воспитаніе въ Римъ къ своему родственнику, упомянутому уже знаменитому адвокату Лицинію Крассу. По юриспруденцію Цицеронъ изучалъ у другаго, не менѣе, впро-

чемъ, знаменитаго адвоката того времени, М. Сцеволы. Затѣмъ Цицеронъ бѣдиль для усовершенствованія себя въ ораторскомъ искусствѣ въ Аѳинѣ, гдѣ въ риторескихъ школахъ исправлялъ свои природныя недостатки: слабый голосъ и дурныя манеры.

Одно изъ своихъ сочиненій объ ораторскомъ искусствѣ, подъ названіемъ „Brutus“, Цицеронъ начинаеть характеристикой древнихъ ораторовъ: Кая и Тиверія Гракховъ, народныхъ трибуновъ, великихъ борцовъ за плебейство, установившихъ извѣстные аграрные законы. Цицеронъ характеризуетъ ихъ тѣмъ, что они никогда въ рѣчахъ не льстили народу, напротивъ, иногда упрекали чернь за ея продажность и перемѣчивость. Кай Гракхъ (младшій братъ), по словамъ Цицерона, умѣлъ такъ говорить, что заставлялъ рыдать народъ. Своихъ предшественниковъ, М. Антонія и Л. Красса, Цицеронъ, въ этомъ сочиненіи, считаетъ по силѣ краснорѣчія подобными Демоспену. М. Антоній, какъ адвокатъ, прославился защитой взяточника, консула Аквилія. Онъ,—говоритъ Цицеронъ,—всегда тщательно готовился къ рѣчамъ, хотя старался показать, что говоритъ экспромтомъ, былъ мастеръ на жестикულიціи и обладалъ плаксивымъ голосомъ, способнымъ возбуждать состраданіе. Второй, Л. Крассъ, говорилъ, по словамъ Цицерона, кратко и красиво; рѣчь его была, когда нужно, раздражительна и полна скорби.

Главными свойствами рѣчи самого Цицерона, были, по мнѣнію проф. Модестова, ея полнота и искусство говорить ясно, стройно, округленно и гармонично.

У римлянъ временъ Цицерона существовали два рѣзко опредѣленныхъ и враждебныхъ одно другому направленія, двѣ школы судебнаго краснорѣчія. О нихъ можно имѣть свѣдѣнія изъ сочиненія Цицерона подъ названіемъ: „Orator“. Задавшись въ немъ цѣлью написать образъ совершеннаго оратора, Цицеронъ характеризуетъ оба направленія и критически ихъ разсматриваетъ. Одно, господствовавшее во время Цицерона, называлось азіатскимъ, другое—ново-аттическимъ. Азіатское направленіе характеризуется напыщенностью и многословіемъ; наоборотъ, ново-аттическое стремилось къ изысканной простотѣ и трезвости аттической рѣчи; образцомъ себѣ оно ставило древняго греческаго оратора Гиперіда, а Демосоена уже считало болтливымъ. Къ послѣднему направленію

принадлежали извѣстный Брутъ, убійца Ю. Цезаря, и Лициній Крассъ, воспитатель Цицерона. Но самъ Цицеронъ былъ противъ новоаттическаго направленія, потому что оно грозило подорвать авторитетъ его собственнаго краснорѣчія, и требовалъ должнаго мѣста, какъ риторическимъ украшеніямъ, такъ особенно ораторскому ритму (*numerus*). Цицеронъ въ рѣчахъ своихъ стремился соединить лучшія стороны того и другаго направленія, но, очевидно, больше наклоненъ былъ къ азіатскому направленію, за что его и упрекали друзья. Что касается до классическихъ адвокатскихъ гонораровъ, то, по закону Цинція (*Lex Cincia de donis et muneribus*), римскимъ адвокатамъ совѣмъ запрещалось брать гонораръ.

Тацитъ, въ своей книгѣ „Разговоръ объ ораторахъ“, говоритъ о современномъ ему упадкѣ ораторскаго искусства, считаетъ причиной его, кромѣ неподходящаго воспитанія молодыхъ адвокатовъ, еще и то обстоятельство, что древнимъ (республиканскимъ) ораторамъ приходилось говорить о дѣлахъ государственныхъ и народныхъ, и это возвышало ихъ и воспламеняло, а современникамъ его приходится говорить только по своимъ частнымъ, болѣе или менѣе мелкимъ дѣламъ. Наконецъ третьей причиной упадка краснорѣчія Тацитъ считаетъ то, что въ древнее время было гораздо больше свободы: все дѣлалъ народъ, и кто его *убѣдитъ*, тотъ имъ и *повелѣваетъ*, что придавало краснорѣчію ораторовъ огромную цѣнность и силу; а теперь, т. е. во время Тацита, государствомъ править одинъ императоръ Веспасіанъ, и ораторы не имѣютъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, что не способствуетъ увеличенію значенія ораторскаго искусства, которое всегда процвѣтало только тамъ, гдѣ была вольность, и было ничтожно въ государствахъ съ деспотическимъ правленіемъ, какъ Персія, Спарта, Македонія. Противоположностью имъ были Аѣины.

Въ то время, какъ изученіе римскаго права справедливо кладется у насъ и у всѣхъ современныхъ образованныхъ народовъ, въ основу всякаго юридическаго образованія, такъ неразрывно соединенное съ этимъ великимъ правомъ римское судебное краснорѣчіе—ораторское искусство, его исторія и георія—не только не изучается, ни въ высшихъ современныхъ юридическихъ школахъ, ни на практикѣ, но даже игнорируется, какъ искусство, не заслуживающее вниманія и изученія.

Это тѣмъ болѣе странно, что едва ли мы можемъ сказать, что въ искусствѣ судебного краснорѣчія настолько превосшли римскихъ адвокатовъ, что уже намъ нечему у нихъ учиться. Скорѣе наоборотъ: оно раздѣляетъ судьбу другихъ искусствъ — ваянія, живописи, архитектуры, въ которыхъ наше время не только не превзошло, но даже еще не дошло до высокаго совершенства древнихъ классическихъ народовъ.

II.

НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ.

Въ небѣ—чорти,
Въ землѣ—чорви,
Въ лѣсахъ—сучки,
Въ судахъ—крючки...
Куда уйти?!

Народная пословица.

Когда оторвешься отъ изученія положенія адвокатуры въ классической древности и типовъ римскихъ адвокатовъ, и начнешь присматриваться и сравнивать съ ними типы нашихъ присяжныхъ цицероновъ, — присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, и ихъ общественную роль у насъ, то невольно получается впечатлѣніе, какъ бы съ высокаго Олимпа, населеннаго богами, спускаешься въ трактиръ для извозчиковъ съ его постоянной публикой.

Вспоминая теперь, послѣ почти тридцатилѣтняго существованія въ Россіи присяжной адвокатуры, какія надежды на значеніе и общественную роль присяжныхъ повѣренныхъ возникали въ русскомъ обществѣ и прессѣ при созданіи и открытіи судебныхъ учреждений Александра II-го, — удивляешься наивности такихъ ни на чемъ не основанныхъ надеждъ. На присяжныхъ повѣренныхъ смотрѣли тогда, какъ на истинныхъ, идеальныхъ „защитниковъ вдовъ и сиротъ“. Замѣчательно, что и сами присяжные повѣренные первого, такъ сказать, набора — хотя и устремившіеся, главнымъ образомъ, на схватываніе кушей, посыпавшихся на нихъ съ начала открытія новыхъ судовъ, — также не прочь были считать себя надеждою молодой Россіи, хотя ни откуда не видно, чтобы у нихъ, какъ у корпораціи, были и тогда какіе нибудь идеалы общественной дѣятельности или широкія задачи. „Объявить“

своихъ кліентовъ—было и тогда ихъ единственной гордостью; никакого другаго призванія, или иного приложенія своего краснорѣчія, они себѣ и не представляли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что изъ милліоновъ сказанныхъ за время существованія присяжной адвокатуры адвокатскихъ рѣчей и нѣсколькихъ томовъ напечатанныхъ, нельзя указать ни одной, которую можно бы назвать даже блѣдной тѣнью какой нибудь изъ судебныхъ рѣчей Ж. Фавра, всегда проникнутыхъ глубокимъ общественнымъ значеніемъ, въ особенности знаменитой его алжирской рѣчи, не говоря уже о судебныхъ рѣчахъ Л. Гамбетты, хотя оба оратора говорили въ тяжелыя, въ цензурномъ отношеніи, времена Наполеона III. Но эти французы были настоящими патріотами: они себя не щадили и не имѣли въ виду „и невинность соблуды, и капиталъ приобрѣсти“.

Также объясняется и то, что, на открывшихся, слѣдъ за новыми судами, нашихъ земскихъ и городскихъ общественныхъ собраніяхъ, присяжная адвокатура не выставила ни одного сколько нибудь выдающагося дѣятеля и борца за общественные интересы и не играла, какъ не играетъ и до сихъ поръ, въ судьбахъ нашего самоуправленія, въ его тяжелой борьбѣ за сохраненіе дарованныхъ покойнымъ государемъ правъ, никакой роли, не оказала ему никакой услуги.

Всякому, интересующемуся земской и городской общественною дѣятельностью въ Россіи, видно и понятно, что гдѣ въ земствѣ или въ городѣ находятся два-три человека, которымъ дороги общественные интересы, тамъ,—стоятъ ли они руководителями управленія, или находятся въ оппозиціи,—дѣла идутъ впередъ, завязывается борьба, столкновеніе убѣжденій, а не только личныхъ интересовъ; выдвигаются важнѣйшіе вопросы народнаго образованія, хозяйства, народнаго здоровья. Сами же эти люди бьются, портятъ себѣ карьеру, ссорятся, увлекаются, терпятъ пораженія и невзгоды и, отравивъ себѣ жизнь, кончаютъ тѣмъ, чѣмъ, на примѣръ, кончилъ недавно одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ общественныхъ дѣятелей, г. Гацисскій въ Нижнемъ-Новгородѣ, т. е. преждевременною смертію за неустаннымъ трудомъ и отсутствіемъ всякой признательности отъ общества при жизни и даже послѣ смерти. Но гдѣ такихъ людей не находится совсѣмъ, тамъ на первый выступаетъ раздѣлъ „общественнаго пирога“ и въ обществен-

ной дѣятельности практически проводится принципъ: „живи и жить давай другимъ“, понимаемый въ смыслѣ: „самимъ воровать и другимъ давать“. Среди людей, отдающихъ жизнь и кровь своего сердца развитію общественнаго самоуправленія, попадаются помѣщики, чиновники, врачи, учителя, люди всякаго званія, даже купцы, хотя о купцахъ, какъ о сословіи, одно народное сказаніе говоритъ: „а у вашего брата купца искони чести не было“. Не видать и не слышать только между ними тѣхъ, кто долженъ и могъ бы стоять тамъ, въ этихъ нашихъ представительныхъ собраніяхъ, во главѣ, на первомъ планѣ, какъ во Франціи—не видать нашихъ присяжныхъ цицероновъ. Взялъ хотя бы петербургскую думу. Всегда въ ней торчало ихъ по нѣсколько экземпляровъ, но именно только торчало: роль ихъ, какъ гласныхъ, была тамъ самая жалкая и ничтожная. Я здѣсь имѣю въ виду только гласныхъ изъ нихъ, а не тѣхъ, которые тамъ кормятся и которымъ eo ipso приходится „поддерживать отношенія“ и улыбаться всѣмъ, отъ городского головы до собаки дворника при городской управѣ: „чтобъ ласковѣй была“. Въ видѣ единственнаго исключенія въ послѣднее время выступилъ тамъ адвокатъ г. Кедринъ, прямая и смѣлая дѣятельность котораго вызываетъ самое горячее сочувствіе и привлекаетъ общее вниманіе. Но одна ласточка весны не дѣлаетъ. Наименьшую поддержку г. Кедринъ встрѣчаетъ между своими товарищами по профессіи, находящими его „неосновательнымъ“, и при томъ все-таки ему далеко еще до покойныхъ М. И. Семевскаго и А. А. Краевскаго, и живыхъ Гг. Стасюлевича, Домонтовича и барона Корфа. А какую бы огромную пользу могли принести развитію этихъ общественныхъ учрежденій присяжные повѣренные своимъ знаніемъ законовъ и правъ, своей образованностью и особенно краснорѣчіемъ, еслибы было у нихъ, какъ у корпораціи, сознаніе этого своего долга предъ Россіей, а не были бы они „солпечнаго диска отраженіемъ въ лужѣ“. Но представители корпораціи практически-мудро разсуждаютъ, что имъ нечего дѣлать и нѣтъ никакого интереса въ общественномъ самоуправленіи. За кого они будутъ тамъ стоять? Если за достаточные классы и ихъ интересы, т. е. за дворянскіе въ земствахъ и за купеческіе въ думахъ, то эти интересы и безъ нихъ тамъ болѣе чѣмъ обезпечены. Если же за интересы простаго народа,—крестьянства въ земствахъ и мѣщанъ въ городахъ,—то при-